

Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. № 3. С. 80–83.

Scientific search: personality, education, culture. 2024. No. 3. Pp. 80–83.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 83.3

DOI: 10.54348/SciS.2024.3.14

Философия мгновения в поэзии К.Д. Бальмонта

Надежда Павловна Крохина

Ивановский государственный университет, Шуя, Россия, nadin.kro@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования является сближение мгновенного и вечного, столь характерное для Бальмонта-символиста. Отмечается, что бальмонттовская философия мгновения ярко проявляет амбивалентность поэтики Серебряного века: через мгновение вечность себя заявляет во времени; человек принадлежит быстротечному мгновению, но стремится к вечному. Подчёркивается, что все любимые поэтом стихии принадлежат мгновению и вечности: сопрягая миг и вечность, поэт пребывает в том вечном движении, в каком пребывает стихия. Акцентируется, что мир для Бальмонта вечно творится, мерой вечного космогонического процесса и становится мгновение. Анализируется космогонический закон единства большого и малого, принцип видения бесконечного в конечном. Делается вывод, что специфика поэзии Бальмонта проявляется в сопряжении мгновенного и вечного, язык вечности – это язык мгновения в человеческой жизни.

Ключевые слова: мгновение, мгновенное и вечное, сопряжение мига и вечности, амбивалентность, оксюморон.

Для цитирования: Крохина Н.П. Философия мгновения в поэзии К.Д. Бальмонта // Научный поиск: личность, образование, культура. 2024. №. 3. С. 80–83. <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.3.14>

The philosophy of the moment in the poetry of K.D. Balmont

Nadezhda P. Krokhtina

Ivanovo State University, Shuya, Russia, nadin.kro@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the convergence of the instantaneous and the eternal, so characteristic of Balmont the symbolist. It is noted that Balmont's philosophy of the moment vividly demonstrates the ambivalence of the poetics of the Silver Age: after a moment, eternity declares itself in time; a person belongs to a fleeting moment, but strives for the eternal. It is emphasized that all the elements beloved by the poet belong to the moment and eternity: combining the moment and eternity, the poet remains in the eternal movement in which the element resides. It is emphasized that the world for Balmont is eternally created, and the moment becomes the measure of the eternal cosmogonic process. The cosmogonic law of the unity of big and small, the principle of seeing the infinite in the finite, is analyzed. It is concluded that the specificity of Balmont's poetry manifests itself in the conjugation of the instant and the eternal, the language of eternity is the language of the moment in human life.

Keywords: the moment, the instant and the eternal, the conjugation of the moment and eternity, ambivalence, oxymoron.

For citation: Krokhtina N.P. The philosophy of the moment in the poetry of K.D. Balmont. *Nauchnyy poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura* = *Scientific search: personality, education, culture.* 2024. No. 3. Pp. 80–83. (In Russ). <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.3.14>

Актуальность исследования. О Бальмонте-монта культивировал лирику импрессиивно-импрессионисте писалось немало. Как отмечала музыкального типа» с её «культом мгновенно-И.В. Корецкая, «подобно Верлену и Фету, Баль-го, изменчивого» [Корецкая, 2000, с. 933, 935].

Для Корецкой Бальмонт близок философии жизни как певец «вечно меняющейся жизни» [Корецкая, 2000, с. 946]. В.В. Полонский также подчёркивал поэтический импрессионизм Бальмонта: «Он стремится раствориться в мироздании», передать «текучесть настроений и чувств, их мимолётность» [Полонский, 2011, с. 394]. И в то же время в своей «поэзии мгновения» Бальмонт как символист «остро осознавал категорию «мига», «мгновения» как прорыв за пределы трёхмерной реальности» [Полонский, 2011, с. 413]. Данный аспект требует своей конкретизации и будет предметом нашего исследования. Нас в нашем материале будет интересовать сближение мгновенного и вечного, столь характерное для Бальмонта-символиста.

Методы и организация исследования. В отрывках из записной книжки 1904 г. Бальмонт так размышлял о своей «философии мгновения»: «философия мгновения не есть философия земного маятника. Звон мгновенья – когда его любишь, как я, – из области надземных звонов» [Бальмонт, 2010, I, с. 207-208]. Философия мгновения, столь характерная для Бальмонта, ярко проявляет амбивалентность поэтики серебряного века. Мгновение амбивалентно, оно принадлежит и быстротечному времени, и вечности. Или, точнее, через мгновение вечность себя заявляет во времени. «За краткий миг существованья / Я сотни лет готов страдать» [Бальмонт, 2010, I, с. 126]; «Как миг один, прошли тысячелетья» [Бальмонт, 2010, II, с. 184]: время относительно перед лицом вечности. Бальмонт неустанно прославляет «миг единственный, / На грани мрака и сознания» [Бальмонт, 2010, I, с. 185], в котором открывается Бог: «Я откроюсь тебе в неожиданный миг» и «вечное счастье» с ним связанное [Бальмонт, 2010, I, с. 200]. Поэт открывает «на миг в запредельное дверь» [Бальмонт, 2010, II, с. 186].

Результаты исследования. И жизнь, сотканная из мгновений, амбивалентна. «Наша жизнь темна, / Как миг тоски – пред радостью беспечной» существованья неземного [Бальмонт, 2010, I, с. 23]. Но при мысли о Творце «И сладостней, чем мёд, и слаще капель сота / Единый жизни миг, дарованный тобой!» [Бальмонт, 2010, I, с. 120]. «Краткое мгновение / Может пронести / Ужас разрушения / На твоём пути» и может «дать нам сон, / Весь восторг забвения». Потому что «Весь мир есть великая тайна» [Бальмонт, 2010, II, с. 94-95, 98]. «Каждый день я умираю, каждый день рождаюсь вновь... Ты – вне-временное видел. Вновь во времени умри» [Бальмонт, 2010, II, с. 104-105].

Времени принадлежит «быстрый бег обманчивых мгновений»; тягостная цепь мгновений: «Всего несносней цепь минут, часов и дней» [Бальмонт, 2010, I, с. 111, 115]; зыбь мгновений: «Всё, что непрочное, что зыбко, мгновенно» [Бальмонт, 2010, II, с. 206]. Но в жизни есть отрадные мгновенья, при-

надлежащие вечности, мгновения неземного: «миг, зиждательный и чудный», «миг невозможного», «заветное мгновенье» [Бальмонт, 2010, I, с. 43, 49, 288].

Для Бальмонта характерно сопряжение мига и вечности: «Умчимся с тобой в бесконечность, / К дворцу сверхземной красоты, / Где миг превращается в вечность, / Где я превращается в ты» [Бальмонт, 2010, I, с. 106]. Миг и вечность сопрягает любовь: «близ тебя душою я постиг, / Что можно пережить века в единый миг... Я вечной красоты в тебе познал родник»; «Я буду любить тебя вечно» [Бальмонт, 2010, I, с. 92, 151]. Бальмонтовская формула любви: «В нас царствовала вечность, / В нас был короткий час» [Бальмонт, 2010, I, с. 387]. Мгновенное и вечное сложно сочетает «Лунная соната» (Сборник «Только любовь»): это и «миг пленительный» и «над нами дышит вечность» [Бальмонт, 2010, II, с. 42]. Присутствие вечного измерения в изменчивой жизни порождает драму памяти: «Я знаю, что новые страсти придут, / С другим ты забудешься вновь. / Но в памяти прежние образы ждут, / И старая тлеет любовь. / И будет мучительно-сладостный миг: / В лучах отлетевшего дня, / С другим заглянувши в бессмертный родник, / Ты вздрогнешь – и вспомнишь меня» [Бальмонт, 2010, I, с.153-154].

Миг и вечность сопрягает двойное видение мира поэта-символиста: «Я постиг в мимолётном намёк... Мне открылось, что времени нет» [Бальмонт, 2010, I, с. 138-139]. Вечность себя проявляет в «мгновениях правды» (название цикла в сборнике «Тишина» [Бальмонт, 2010, I, с. 155-162]): «Есть правдивые мгновенья, / Сны, дающие забвенье, / Луч над бездной вечно-зыбкой, / Взоры с кроткою улыбкой». Открывающее цикл стихотворение «Зов» «вечно-зыбкой» бездне этого мира противопоставляет мир иной, видимый поэту: «В тёмной ночи этой жизни / Дышит зов к иной отчизне, / Звон заоблачных соборов, / Ткань светлей земных узоров» [Бальмонт, 2010, I, с. 155]. Поэту введома «Богом открытая правда мгновения» [Бальмонт, 2010, I, с. 159] и потому «Всё, на чём печать мгновенья, / Брызжет светом откровенья, / Веет жизнью вечно-цельной, / Дышит правдой запредельной» [Бальмонт, 2010, I, с. 155]. Мир прозрачен для поэта-символиста. Мгновение становится «прорывом за пределы трёхмерной реальности». «И мгновенью отдавшись» – «с безмолвием странного мира сливаешься, / Уходя к незабвенному, к счастью минувшему» [Бальмонт, 2010, I, с. 157] – что открыто поэту в его таинстве счастливого детства.

Кто услышал тайный ропот вечности,
Для того беззвучен мир земной,
Чья душа коснулась бесконечности,
Тот навек проникся тишиной.

Перед ним виденья сокровенные,
Вкруг него безбрежность светлых снов,
Легче тучек, тихие, мгновенные,
Легче грёзы, музыка без слов.

[Бальмонт, 2010, I, с. 162].

Язык вечности – это язык мгновения в человеческой жизни. Специфика поэзии Бальмонта проявляется в сочетании воли поэта с божественной вечной волей, и также в сближении мгновенного и вечного.

Все любимые поэтом стихи принадлежат мгновению и вечности: «Я вольный ветер, я вечно вею» [Бальмонт, 2010, I, с. 140]. «Всё, что любим, всё мы кинем, / Каждый миг для нас другой: / Мы сжились душой морской / С вечным ветром, с морем синим» [Бальмонт, 2010, I, с. 146]. «Ты меняешься вечно, / Ты повсюду – другой... / Я такой же, как ты» («Гимн огню») [Бальмонт, 2010, I, с. 320-321]; «вечно-нежданная» луна [Бальмонт, 2010, I, с. 326]. Сопрягая миг и вечность, Бальмонт пребывает в том вечном движении, в каком пребывает стихия (о чём писал А. Блок). «Дай стремленья твоего» (обращение к ветру [Бальмонт, 2010, I, с. 344]). «О, как я нов и молод / В своём стремленьи жадном, / Как пламенно и страстно / Живу, дышу, горю!» [Бальмонт, 2010, I, с. 354].

Ярчайший пример сопряжения мига и вечности содержит стихотворение «Морская пена» (цикл «В царстве льдов», сборник «Тишина»):

Как пена морская, на миг возникая,
Погибнет, сверкая, растает дождём, –
Мы, дети мгновенья, живём для стремленья,
И в море забвенья могилу найдём.

Зачем ежечасно, волнуясь напрасно,
Стремимся мы страстно к обманной мечте?
Зачем мы рыдаем, скользим и блистаем,
И вновь пропадаем в немой пустоте?

О, жизни волненье! Блаженство, мученье!
Печаль и сомненье! Как жалко мне вас!
Бежать бы мне вечно, дышать бесконечно,
Светиться беспечно в полуденный час!

[Бальмонт, 2010, I, с. 184].

Ключевая строка «Мы, дети мгновенья, живём для стремленья»: человек принадлежит быстротечному мгновению, но стремится к вечному. «Мой дух изменчивый стремится каждый миг» [Бальмонт, 2010, I, с. 254]. В вечном движении пребывают мировые стихии: ветер, вода, огонь. «Море – вечное стремленья» [Бальмонт, 2010, I, с. 186]. К этому вечному стремлению тяготеет и поэт. «Как волны морские, / Я не знаю покоя и вечно спешу» [Бальмонт, 2010, I, с. 148]. Мир для Бальмонта вечно творится, пребывает в вечном космогоническом процессе, мерой которого и становится мгновение: «Дух навек ушедших дней / Встал в тени немых воспоминаний... Прожил миг – и в бездне уто-

нул» [Бальмонт, 2010, I, с. 149].

В единстве мгновения и вечности проявляется важнейший космогонический закон единства большого и малого, что постигали ещё романтики, передав свой мистический завет эпохе символизма: «Безмерность может замкнуться в малое, песчинка может превратиться в систему звёздных миров» [Бальмонт, 2010, I, с. 208]. Или «Воззвание к океану»: «Дай мне быть твоей пылинкой влажной, / Каплей в вечном... Вечность! Океан!» [Бальмонт, 2010, I, с. 329] – сравнимо с У. Блейком:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка [Блейк, 1982, с. 542].
Мечта поэта о «таинственном миге примиренья» полярностей:

Чтобы с новым упоением,
За обманчивым мгновением,
Снова ткать с протяжным пением
Переливчатую нить.
Нить мечтанья бесконечного,
Беспечального, беспечного,
И мгновенного и вечного,
Будет вся в живых огнях.

[Бальмонт, 2010, I, с. 292].

Эту «многосложность и единство бытия» поэт находит в индийской мудрости:

Жизнь – отражение лунного лика в воде,
Сфера, чей центр – повсюду, окружность – нигде,
Царственный вымысел, пропасть глухая без дна,
Вечность мгновения – миг красоты – тишина.
[Бальмонт, 2010, I, с. 298-299].

Если поэт «Всеми и всем сочувственный двойник», он готов быть «облаком, бегущим к дальним тучам, / Чтоб засветиться молнией на миг» и в то же время устремлён к вечному: «Туда, туда! За грани вечных гор!» [Бальмонт, 2010, I, с. 307]. Ему открыт мост (стихотворение «Мост») –

Между временем и вечностью,
Как над брызнувшей водой,
К нам заброшен бесконечностью
Мост воздушно-золотой.

[Бальмонт, 2010, I, с. 308].

В своём сближении вечного и мгновенного Бальмонт тяготеет к поэтике оксюморона: «Весной, в новолунье, в прозрачный тот час, / Что двойственно вечен и нов, / И сладко волнует и радует нас, / Коллебясь на грани миров» [Бальмонт, 2010, I, с. 338]; «я вечно – другой»; «Навек, на миг – мне всё равно» [Бальмонт, 2010, I, с. 368, 374]; «В нас царствовала вечность, в нас был короткий час» [Бальмонт, 2010, I, с. 387]; «блаженство вечных перемен» [Бальмонт, 2010, II, с. 74]. Так проявляется принцип видения бесконечного в конечном, о чём заговорили немецкие романтики: «Я, бесконечное в конечном ощутив, / Люблю и высоту, влюбляюсь и

в обрыв» [Бальмонт, 2010, I, с. 392]. Потому можно «сказать мгновенью: стой!»: «Лишь есть одна возможность сказать мгновенью: стой! / Разбив оковы мысли, быть скованным мечтой» [Бальмонт, 2010, I, с. 351]. Потому в поэзии Бальмонта возможно «бессмертное мгновенье»: «О, Сафо, знаешь только ты / Необъяснимость откровенья / Непобеждённой красоты / В лучах бессмертного мгновенья!» [Бальмонт, 2010, I, с. 397]. Человек принадлежит мгновению и вечности: «Творцы себя, мы вечны и мгновенны» [Бальмонт, 2010, I, с. 456]. Если «Я в мировом. Я в центре вечных сил», то «весело мгновения сжигать» [Бальмонт, 2010, II, с. 14]. «Изменчивость и вечность / В мою блестящую включил я быстротечность. / Он мой, безумный миг слияния – всего» [Бальмонт, 2010, II, с. 18].

В космогонической игре мгновений для Бальмонта вечно побеждает свет: «Лишь на краткие мгновенья мраку власть дана, / Чтоб созрела возрожденья новая волна. / Каждый день поныне видим чудо из чудес. / Выходит солнце, светит миру, гонит мрак с небес. / Мир исполнен восхищенья миллионы лет, / Видя тайну превращенья тьмы в лучистый свет» [Бальмонт, 2010, I, с. 124-125]. Вечное божественное измерение мира обнуляет время. Знаменитое кредо Бальмонта:

У человека больше сходства / С Христом, чем с дьяволом, и он,

Впадая в низкое уродство, / Лишь на мгновенье

ослеплён.

Впадая в ярость возмущенья, / В великий сатанинский сон,

Желая ужаса и мщенья, / Лишь на мгновенье ослеплён.

В гореньи властного пожара / Себе лишь нанося урон,

Впадая в марево кошмара, / Лишь на мгновенье ослеплён.

И это краткое мгновенье / Продлится миллионы лет,

Но в яркий праздник воскресенья

Весь мрак войдёт в безмерный свет!

[Бальмонт, 2010, II, с. 102].

Выводы. Есть в мире «неумирающая сила» [Бальмонт, 2010, II, с. 103], как Тютчев писал «Есть и нетленная краса». Сопряжение мгновения и вечности для Бальмонта – завет Христа: «Он вечность влил в одно мгновение» [Бальмонт, 2010, II, с. 118]. Продолжатель этого завета – поэт: «Гореть хотя одно мгновенье, / Светить хоть краткий час звездой» [Бальмонт, 2010, II, с. 192]. Таким образом, единство мгновенного и вечного, как единство личной и божественной воли – смысловые доминанты поэзии Бальмонта, определившиеся к эпохе его расцвета, – началу XX в. Время релятивно перед лицом вечности. Своё мгновение человек должен наполнять высшим, вечным смыслом.

Список источников

- Бальмонт К. Д. Под северным небом; В безбрежности; Тишина; Горящие здания; Будем как солнце // Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Москва: Книгоvek, 2010. 504 с.
- Бальмонт К. Д. Только любовь; Литургия красоты // Бальмонт К. Д. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. Москва: Книгоvek, 2010. 480 с.
- Блейк У. Избранные стихотворения. Сборник / Сост. А.М. Зверев. Москва: Прогресс, 1982. 558 с.
- Корецкая И. В. К. Бальмонт // Русская литература рубежа веков. Кн.1. Москва: ИМЛИ РАН, 2000. С. 933-958.
- Полонский В.В. К. Бальмонт. Новая концепция слова: поэтический импрессионизм // Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX-XX в.: история, поэтика, контекст. Москва: ИМЛИ РАН, 2011. С. 392-418.

References

- Balmont K. D. Under the northern sky; In the vastness; Silence; Burning buildings; We will be like the sun. In: Balmont K. D. Collected works: In 7 vols. Vol. 1. Moscow: Knigovek, 504 p. (In Russ).
- Balmont K. D. Only love; The Liturgy of Beauty. In: Balmont K. D. Collected works: In 7 vols. Vol. 2. Moscow: Knigovek, 480 p. (In Russ).
- Blake W. Selected Poems. Collection / Comp. A.M. Zverev. Moscow: Progress, 1982. 558 p. (In Russ).
- Koretskaya I.V. K. Balmont. In: Russian literature of the turn of the century. Book 1. Moscow: IMLI RAS, 2000. Pp. 933-958. (In Russ).
- Polonsky V.V. K. Balmont. A new concept of the word: poetic impressionism. In: Polonsky V.V. Between tradition and modernism. Russian literature of the turn of the XIX-XX century: history, poetics, context. Moscow: IMLI RAS, 2011. Pp. 392-418. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 07.05.2024.